

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 911888

Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XX

Buenos Aires, martes, 26 de setiembre de 1967

Буэнос Айрес, вторник 26 сентября 1967 года № 919

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

329. КОНЕЦ ПРОЦЕССА БУКОВСКОГО, КУЩЕВА И ДЕЛОНЕ. — “СВЕТЛАНА АЛЛИЛУЕВА Б. Л. ПАСТЕРНАКУ” — ПЕРВОЕ ИЗ “20 ПИСЕМ ДРУГУ”. — ГРЯЗНЫЙ ПАСКВИЛЬ А. Я. КАПЛЕРА. — СМЕРТЬ И. Е. ЭРЕНБУРГА.

За истекшие две недели не произошло на родине знаменательных событий. Не считаю такими продолжающуюся перепалку с Пекином, восхваление подвигов вьетконгов, бомбежки новых объектов в Сев. Вьетнаме, ни даже подписание Брежневым и Косыгиным нового договора о дружбе и сотрудничестве с вождями венгерских партий — Кадаром и правительства — Ене Фоком.

Обращая внимание читателей на то, что “для большей крепости” договор подписали не только оба премьера, Косыгин и Фок, но и вожди партий — Брежнев и Кадар. На митинге в день подписания договора 7-го сентября, отвечая на привет Кадара, Брежнев произнес самую резкую речь против “авантюриста” Мао Тзе-тунга и его группы. Это не революционная, а контрреволюционная кучка, которая “разогнала партийные и государственные органы, профессиональные союзы и комсомол”, подвергая бесчеловечным репрессиям “видных и заслуженных работников партии и государства, известных деятелей революции, выдающихся военачальников, крупнейших представителей культуры и науки”. Однако, Брежнев находит, что сопротивление народа усиливается и это приведет к свержению “авантюристов”, к которому он призывает китайскую армию, рабочий класс, крестьянство, все партийные кадры. Только после свержения этих авантюристов станет возможным сотрудничество СССР с Китаем. Эти, очень сильные слова, произнесенные в далеком Будапеште, ничуть не подвинут свержение Мао Тзе-тунга. Но на большее, на активное вмешательство советских вооруженных сил, даже просто на блокаду китайских берегов Брежнев не рискнет пойти, а потому словесных угроз не боится Пекин, как смеется над ними правительство Израиля. Хрущева не очень боялись, а Брежнева еще меньше. Его считают везде жалким и трусливым паяцом. Так думают и говорят и в Пекине и в Тель-Авиве.

В прошлой статье я рассказал о первых двух днях суда над тремя оппозиционными партийному режиму сотрудниками подпольного “Феникса” и организаторами манифестации против ареста редактора “Феникса” Гинзбурга. На другой день после отсылки моей статьи услышал по радио приговор, который передавался на коротких волнах иностранными корреспондентами, но не советским ТАСС.

Владимир Буковский приговорен к трем годам заключения в лагере сурового режима и его одного вывели из здания суда и повезли на “черном во-

роне”. Евгений Кушев и Вадим Делоне приговорены к году заключения условно, т. е. приговор будет приведен в исполнение, если будут продолжать участие в подпольном издании “Феникса” и в уличных манифестациях, срывающих... уличное движение в столице. Их задержали в зале суда и выпустили на свободу только, когда толпа разошлась, ибо опасались притеснений в их честь манифестаций.

Подобный приговор свидетельствует о страхе политбюро перед оппозиционной молодежью, которая реагировала бы на более суровый приговор, подобный приговору над Синявским и Даниэлем или Бродским. Затем весьма знаменательно, что советская печать ни слова о процессе не поместила. Это подтверждает мое предположение, что советская печать должна скрыть не только от провинциальных читателей, но и тех москвичей, которые не знают об этом процессе, ибо живут далеко от здания суда и не видали собравшейся перед ним толпы интеллигентной молодежи, что существует “Феникс”, что его сотрудники манифестировали после ареста редактора и продолжают его выпускать, что иностранные журналисты, которых не пустили в зал суда, часами стояли на улице, чтоб оповестить о процессе весь свободный мир. Это обычно в СССР. О всяком протесте против диктатуры газеты сообщают только, если его размеры и опасность для гнилого режима приняты такие размеры, что скрыть их невозможно, но надо как-то изобразить в возможно более удобном для политбюро и правительства виде.

Один из наших видных народных монархистов прислал мне изданную в Союзинформ Штабах небольшую на 15 страниц брошюру “Светлана Аллилуева Б. Л. Пастернаку”. Я это понял, как приглашение дать моим читателям разбор брошюры.

Светлана, демонстративно отазавшаяся от фамилии отца, которую носила на родине, и принявшая девичью фамилию своей любимой матери, начинает с того, что в Риме ей подарили гениальную книгу, изданную в Милане на русском языке. Тут небольшая фактическая ошибка: Фельтринелли издал “Доктора Живаго” на итальянском языке, а затем в Италии книга была переведена на русский язык или переиздана с имевшейся у Фельтринелли рукописи, этот перевод мы распространяем на родине. Его получила Светлана за короткие часы пребывания в Риме и сразу стала читать с понятным волнением. Прежде, чем разбирать ее брошюру, хочу напомнить, что Светлана в отличие от Крупской,

Глава Российского ИМПЕРАТОРСКОГО Дома Великий Князь Владимир Кириллович с глубокой скорбью извещает от Имени Своего, Великой Княгини Леониды Георгиевны и Великой Княжны Марии Владимировны, что 8-го сего сентября в Бозе почил в Сен-Бриаке ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ и КОРОЛЕВСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ

Кира Кирилловна,

Принцесса Прусская.

Лилиной, обеих жен Троцкого никогда не занималась политикой, не была обычным отвратительным типом советской активистки, поэтому это ее лирическое произведение лишь косвенно имеет огромное политическое значение, как ее политический дебют.

Она получила книгу, когда все мысли были устремлены в будущее, но это оказалась встреча с покинутой родиной. До сих пор она ее не читала и имела смутное представление по пересказам в Москве. Итак отметим: книга не дошла до Светланы, хотя последняя работала в Институте Литературы в самой столице.

Книга живо представила ей родину и “все слилось в вихре, беспощадно хлеставшем мое сердце и заливавшим меня потоками слез”. Она, как и многие из нас, из “новой эмиграции”, сразу сравнила свою судьбу, свои переживания с муками героев романа. “Моя любимая, многострадальная, загнанная в тупик Россия, где остались мои дети и мои друзья, живущие невыносимой нашей советской жизнью, которую не могут себе представить ни русские друзья, ни русские недруги за границей — настолько она ни на что не похожа”. Под этими словами Светланы подпишусь я и не один из наших сотрудников и читателей “Нашей Страны”. Затем она постепенно объясняет, почему она ушла сама оттуда, оплакивая детей: “Моя Катенька, кровиночка моя, рябиночка моя стройная... как плачешь там теперь, а ведь ты у меня не любишь быть плаксоной, бесстрашная моя амазонка... мы любим своих детей потому, что их родили”.

Ее поразило, что доктора Живаго зовут Юрий Андреевич, как ее второго мужа (Жданова — сына второго секретаря ЦК): “он был некрасив, но умен, по холодному умен, как машина, вроде комиссара Антипова (мужа Лары) со схемой вместо сердца”. Говоря о страданиях Живаго, Светлана вспоминает сцену, как он в дворницкой набирает воду “для стирки” и тут же вспоминает своего друга по Институту Литературы Синявского: “Андрюша, ты стоишь передо мной с ведрами воды в руках... мученик мой бедный... вспоминается твоя страшная коммунальная квартира в Хлебном переулке с подвалом, где ты писал... теперь там рывкают на твою жену и на Егорушку, да и на тебя, где сейчас находишься... Ты всегда был тихий, Андрюша, не блистал красотой, но сколько было в тебе упрямого мужества... ты писал втайне свои повести, чтоб остаться честным пред Богом... долго ли будут тебя ждать Майя и Егорушка и увидит ли тебя твой маленький сын”.

Светлана вспоминает, что полтора года

лет назад (т. е. в Императорской России) было больше свободы: “...не судили за остроту гротеска ни Гоголя, ни Шедрина в царской России и безнаказанно издевались они над нелепостями русской жизни, а теперь под суд за метафоры, за эпитеты, за гиперболы, в концлагерь. Вспомнив, что Живаго был врачом, она пишет: “доктор Сперанский, Виноградов, Плетнев... Ах, Господи, тоже были мучениками ни за что... доктор Кауфман, Даднани, Морозов”.

Не знаю о последних трех, которые, верно тоже были жертвами ее отца. Она радуется, что сын ее будет врачом и “не пустопорожняя болтовня” будет предметом его работы. Светлана пишет, что не поверит, если детей заставят от матери отказаться, но объясняет, что ушла, чтоб бороться за их свободу, как сделали это многие из нас. Я лично, попав 25 лет назад в свободный мир, снова подписываюсь под словами Светланы: “Как все мудро, Господи, в Твоем мире, ведь не для того Ты даешь мне эту новую жизнь, чтоб безмятежно наслаждаться комфортом цивилизованного мира”. Так говорил я в молитве в 1942 году, и повторяет Светлана 25 лет спустя. Она права: “Ты, Господи, даешь мне слова, каких не знала раньше. Ты велишь мне говорить правду всем людям, чтоб мои друзья там ощутили собственной кожей, как может наступить конец терпению человеческому!”

Затем она объясняет, что мысль о победе ей подсказал ее последний муж: “мой незабвенный, моя любовь, мой князь заморский”. Вспоминает, как они встретились в госпитале, где оба лежали больными и рассказали друг другу свои столь необычные биографии: “Мы оба были несчастливы и одиноки и поняли друг друга. Но как восстали медленно против нас партийные ханжи и фарисеи... что понимали про нас с тобой ничтожные составители анкет и доносов”.

Светлана трогательно описывает, как муж угасал во вредном для него московском климате и враждебной обстановке, но не хотел уехать на родину, чтоб не покидать ее, “мечтал показать Индию, Европу и эту милую Швейцарию, которую ты так любил. Все это было запрещено, исключено для нас... Она пишет, как муж умирал, как “лежал в гробу, в холодном нашем московском крематории, где стояли в шубах индусы и русские... друзья из Института Мировой литературы”.

Оставшись одинокой, Светлаца решила отвезти прах любимого, понявшего и умершего, чтоб с ней не расставаться мужа на его родину и посвятить себя борьбе за свой народ. Мне это напомнило Елену, героиню Тургеневского ро-

† 7-го октября с. г., в субботу, в четвертую годовщину кончины
АЛЕКСАНДРЫ ЯКОВЛЕВНЫ ВАСИЛЬКИОТТИ

будут отслужены в Храме Св. Преподобного Сергия Радонежского
(Бажестер, ул. Фалучо 854):

В пятницу 6-го октября — Заупокойные вечерня и утрениа в 6.30 вечера;
В субботу 7-го октября — Заупокойная Божественная Литургия и панихида, начало Литургии в 8.30 часов утра,

о чем с глубокой скорбью извещает муж покойной.

Ю. Слэзкин

К 50-летию зарождения Добровольческой Армии

Мы часовые у старого Знамени,
Старого Знамени Чести России.
Мы пронесли его в буре и пламени
Мы не боимся людей и стихии.

(Стих. кн. Ф. Касаткина-Ростовского)

7-го ноября в красной Москве раздадутся "победные фанфары", прославляя 50-ю годовщину "Великой Октябрьской социалистической революции". Столбцы советских газет заполнятся хвастливыми дифирамбами "любимой партии" и советским "достижениям". Со всех страниц печатны засияют самодовольные личины "вождей", "героев" и "выдвиженцев" "строющегося коммунизма".

И мы, белые эмигранты, тоже отметим этот знаменательный "юбилей" публичными собраниями, в 50-й раз подтверждая свою неизменную, бескомпромиссную непримиримость к палачам нашей Родины. Во всех наших зарубежных храмах вознесут молитвы за Белых воинов, павших в борьбе за Честь и Свободу России. В эти дни и мы отметим 50-ю годовщину начала вооруженной борьбы лучших сынов России против захватившей своими кровавыми щупальцами нашу Родину богоборческой советской власти. В эти дни и наши печатные органы посвящают свои страницы памяти Белых героев и воспроизведут портреты основоположников и начальников Белой армии, поднявших Знамя борьбы против "красной звезды".

Но я буду сегодня говорить о тех, чьих портретов мы не найдем на этих страницах: я преклоню свою голову перед памятью тех бесчисленных рядовых русских офицеров, которые, взяв в руки оружие, не задумываясь встали на путь вооруженной борьбы с захватчиками нашей Родины, устилая своими трупами ее необъятные просторы.

Я низко склонюсь перед памятью тех героинь — русских девушек в солдатских шинелях и белых косынках с красным крестом или с винтовками в руках, которые на кровавых полях священной борьбы бесстрашно выполняли высочайший акт христианского подвига, не щадя свои юные жизни.

Я благоговейно помяну и ту нашу прекрасную, жертвенную русскую молодежь, которая в смутные годы русского помрачения, взяв в свои полудетские руки винтовки, встали плечом к плечу рядом с офицерами, неся на алтаре Родины свои, только начинающиеся жизни. В те дни общего морального падения, трусости и шкурничества, это они — эти юные юнкера, кадеты и гим-

назисты бросили свой гордый вызов обнаглевшему красному Хаму, дав непревзойденный пример жертвенной любви к Родине... Какой страны история знает пример такого массового, стихийного героизма молодежи?! В своем патристическом подвиге, эта молодежь уже в Первом Кубанском походе дала высокий процент своего в нем участия (из 3683 Первопоходников было 497 юнкеров, кадет и гимназистов, 688 молодых прапорщиков и другой молодежи и 153 девушки-воинов или сестер милосердия).

Со всех концов России, ежеминутно подвергая свою жизнь опасности, предолевая страшные препятствия, пробиралась эта молодежь в Добровольческую армию, чтобы рядом с офицерами бороться за Честь России.

Слышите, дети, война началась.

Бросай свое дело, иди на войну...

Смело мы в бой пойдем

За Русь святую.

И как один прольем

Кровь молодую.

Но было бы ошибочно думать, что на этот высокий подвиг офицеров и молодежь могли вдохновить мало говорящие лозунги "За Учредительное собрание" или "За Единую-Неделимую", равно как и какие-нибудь параграфы "Быховской программы". Нет, по крайней мере 80% русских офицеров, идя в Добровольческую армию, несли в своем сердце извечный исторический лозунг Императорской Армии: "За Веру, Царя и Отечество", видя конечную цель своей борьбы в восстановлении Исторической России, т. е. Монархии. Другой России они и не мыслили и в этом и была их "Белая Идея".

Но этот близкий и понятный каждому офицеру Императорской армии стимул борьбы не получил своего выражения в официальных лозунгах Добровольческой армии, будучи произвольно заменен другим. (Не в этом ли, отчасти, и кроется причина неуспеха, ибо ведь недаром приписывают красному "главоверху" Троцкому-Бронштейну слова, будто бы сказанные им после слома Белого фронта: "Если бы Деникин только выбросил лозунг: "За народного батюшку-Царя", то наша Советская власть не продержалась бы и двух недель"?).

Это тяготение у рядовых офицеров Добровольческой армии к прошлому и к старым традициям Императорской армии находило, подчас, свое выражение в самом характере формирования неко-

торых частей Добрармии (особенно гвардейских и кавалерийских), в которых проявлялась тенденция сохранять за этими частями преемственность от старых полков Императорской армии, принимая их старые, исторические имена и поддерживая старые традиции. Это имело, главным образом, место в тех случаях, если офицерам данных полков удавалось спасти и доставить в Добровольческую армию Знамена или Штандарты своих полков и, разумеется, если собиралось достаточное число офицеров полка. (Как это, например, было у Ингерманландских гусар и др. полковых групп). Поэтому, наряду с новыми чисто добровольческими полками (Корниловцами, Марковцами и Дроздовцами) в Добровольческой армии были сформированы и полки, носящие свои старые, исторические имена.

Эти настроения у офицеров Добровольческой армии были настолько сильны, что Командование Добрармии не могло с ними не считаться.

Полки Добровольческой армии, созданные по этим признакам, привлекали в свои ряды не только офицеров, но и унтер-офицеров и даже старых солдат, которые пробирались к ним, как только узнавали о формировании этих полков в Добрармии. Полки эти, сохраняя внешние особенности (форму) и внутренний дух и традиции своих "предков" по Императорской армии, имели всегда крепкую спайку и наравне с легендарными Корниловцами, Марковцами и Дроздовцами являли пример высокой воинской доблести.

Не вина белых воинов, что их 3-х-летняя героическая борьба не увенчалась победой и что Господь Бог еще не послал торжества Добра над Злом, — Правды над Ложью. Но жертвы бессмертные им не пропали даром. Уйдя 47 лет тому назад в изгнание, они оставили на Родине зажженный свечок священной борьбы, который не угас и вспыхнул новым ярким пламенем 20 лет спустя. Пусть же это укрепит в нас веру в конечное торжество Белой Идеи — возвращение нашей Родины на ее исконный, исторический путь законной Монархии под скипетром Царей православных.

Мы же пережившие эти годы — в 50-ю годовщину начала священной Белой борьбы, преклоним благоговейно наши головы перед памятью тех наших боевых товарищей, которые отдали свою жизнь России.

Но не вздохами печали
Память храбрых мы почтим,
А в нетленные скрижали
Имена их начертим".

Полк. Ю. Слэзкин

петать и семью и всех политических сотрудников.

Желая как-то смягчить его вину, Светлана пытается переложить на Берия часть вины, хотя честно признает отца виновным в гибели многих, даже близких.

Вспоминая детство, она уверяет, что Берия, приезжавший с докладами из Тбилиси еще при жизни матери, внушал Надежде Сергеевне чувство ужаса и отвращения своими жестокостями, совершенными в Грузии.

Уже взрослой Светлане Сталин говорил, что ссорится с женой из-за Берии. Он спрашивал: "что плохого Надя находит в Берии? Дай мне факты!" Она же кричала: "Ничего не знаю, но не хочу его видеть в доме". Тогда Сталин отвечал: "он навел порядок на Кавказе, подавил восстание в Мингрелии и потому ему доверяю. Ты же обвиняешь его без всяких доказательств". Этим он заставлял ее молчать.

Два факта кажутся мне странными в рассказе Светланы о детских годах: она с симпатией упоминает, как на даче бывал Бухарин со своей ручной лисицей, которая забавляла детей. Между тем мы знаем, что еще в 1928 г. Бухарин резко разошелся со Сталиным, а в 1929 году снят с поста редактора "Правды". На 16-м съезде в 1930 году Бухарин окончательно порвал со Сталиным, а потом не думаю, чтоб после этого бывал в интимном кругу его друзей. Тогда Светлане было 4 года. Как же она помнит его интимным семейным другом отца. В 1937 году Бухарин был арестован, когда ей было 11 лет. Возможно, что рассказы о Бухарине на даче в их семейном кругу она передает не по своей памяти, а по рассказам Василия, который был старше ее. Затем меня поражает, что террор она приписывает только Берии, а не Ежову, который его по директивам Сталина проводил в 1936-38 г.г. Опять готов это объяснить тем, что воспоминания о более позднем терроре Берии вытеснили из памяти ежовщину, когда ей было 10-12 лет. Возможно, что ребенком она, сидя на даче, даже мало знала об ежовщине.

Ее рассказы о терроре касаются больше членов семьи. Она вспоминает, как дед после смерти дочери часто приходил к ее отцу и хотел заступаться за арестованных, но так боялся своего грозного зятя, что не смел с ним заговаривать.

В 1937 г. был арестован дядя Станислав Реденс, который перед тем был переведен Наркомом Внутрен. Дел в Казахстан, откуда вызван в Москву, арестован и расстрелян. Общий тесть Реденса и Сталина, приходил к зятю, плакал в его отсутствие, но не смел просить одного зятя пощадить другого. Но брат Нади Павел Сергеевич Аллилуев, занимавший крупный военный пост, оказался храбрее, как подобает герою гражданской войны: он явился к Сталину и стал протестовать против ареста Реденса, но тот ответил, чтоб он не путался, не зная материалов следствия. Павел вскоре поехал в служебную командировку. По возвращении явился на службу и узнал, что все его сотрудники арестованы. Предвидя свой неминуемый арест, он тут же скончался от сердечного приступа. Прибывший врач констатировал смерть и труп отправили домой.

Я готов допустить, что Светлана, описывая события, случившиеся в ее одиннадцатилетнем возрасте, добросовестно заблуждается, приписывая все не Ежову, а Берии, при котором семья понесла новые потери уже после войны. Запуганный старик Аллилуев не смел больше ходить к зятю, но Светлана навещала дедушку в больнице, где в 1945 году умер от рака желудка 79-ти лет.

Но следующие репрессии отец уже проводил через Берию — в этом взрослая Светлана не ошибается. В 1948 году были арестованы обе вдовы: Станислава Реденса и Павла Аллилуева и приговорены к 10 годам одиночного заключения. Одновременно были арестованы жена Молотова — Полина Жемчужина (Перельмутер), глава Профинтерна Соломон Соломонович Лозовский (Дридзо, сын раввина) и академик Лина Штерн. Реденс и Аллилуева были освобождены и "реабилитированы" в 1954 году после смерти Сталина.

Светлана навещала в клинике "для вельмож" больную шизофренией тетку, которая требовала (после 6 лет заключения), чтоб никогда не запирали двери ее комнаты. Раз в 1964 г. по ошибке на ночь заперли ее дверь снаружи и на

мана "Накануне", уехавшую с телом Инсарова в далекую Болгарию.

Кончает Светлана патетическим воспеванием Швейцарии, где в марте 1967 года пишет эту брошюру и набирается сил для борьбы за "весну на родине".

По соглашению с Аллилуевой и ее издателями одновременно с ее "25-ю письмами к другу", которые сейчас выходят в Америке, итальянский еженедельный журнал "Эпока" с 17-го сентября начинает печатать итальянского перевода с первого из этих писем, которые не имеют ничего общего с лондонской "подделкой", присланной из Москвы. Она начинает с описания своего детства и вспоминает мать, которой посвящает свое произведение. Росла Светлана под Москвой на охраняемой даче в Зубалове, где видела многочисленную родню. Приезжали дед Сергей Аллилуев, питерский рабочий большевик, который, будучи выслан в Тифлис, женился там на ее бабушке Федоренко, сестра матери Анна с мужем Станиславом Реденсом (член коллегии ОГПУ) и родные первой жены Сталина Сванидзе и братья матери с женами и другие родные. Но прежде чем говорить о детстве, вспоминает ужасную смерть отца. 2-го марта 1953 года ее вызвал из Академии, где училась, Маленков на дачу отца в Кунцево. Там ее встретили у подъезда Булганин и Хрущев и повели в зал заседаний политбюро, где увидела лежащего на диване без сознания отца, окруженного членами президиума ЦК (так тогда звали политбюро). Тут был лишь Маленков, Берия, Ворошилов, Молотов, Микоян, Булганин и Хрущев, не было других членов президиума, как Аристов, Беляев, Игнатов, Игнатьев, Пегов, и другие. Обращаю внимание читате-

лей на три обстоятельства, доказывающие насильственное покушение заговорщиков:

1. Маленков вызвал Светлану, когда отец уже умирал, и сказал, что ему сделалось дурно ночью в спальне; почему-то его, якобы, перенесли в зал, где обычно заседал президиум ЦК.

2. Берия, видимо, командовавший всеми, потребовал, чтоб Светлану удалили, но она осталась. Возможно, он боялся, что она что-либо заметит или о чем-то догадается.

3. Почему-то при нем были лишь те члены президиума ЦК, которых он, согласно докладу Хрущева на 20-м съезде, решил арестовать и казнить по делу врачей-отравителей, им с помощью молодых новых фаворитов, как министр государственной безопасности Игнатьев, сфабрикованному. Ясно, что они с ним свиделись не на заседании всего президиума из 25 человек, а прибыли к нему группой, вызванные предавшими его Маленковым и Берией. Кровозлияние имело место в зале, а не в спальне, где он ночевал, как Светлане ска-

зали. 4. Светлана не объясняет, куда скрылись ночевавшие с ним начальник его секретариата ген. гос. безопасности Поскребышев и его начальник охраны Косынкин (о внезапной кончине которого сообщила на другой день сов. печать)? Почему не вызвали сына Василия? Почему не позвали других членов президиума ЦК, которые узнали о случившемся лишь утром по радио. Но Светлана не повторяет выдуманной и описанной в лондонской фальшивке басни, что кровозлияние вызвано тем, что он в 73 года, вопреки запрету врачей, парился в бане. Светлана патетически описывает его страдания, говорит, что

перед смертью открыл глаза, страшно посмотрел на окружающих и поднял левую руку, словно хотел их проклясть. Возможно, что пришел на миг в сознание и увидел своих губителей-заговорщиков. Но рука упала. Он был мертв. Желая как-то обелить отца, Светлана говорит, что его искренне оплакивала домашняя прислуга, ходившая за стариком Валентином Истомина, которую он звал Валечкой, сиделки, кухарка. Все сановники отправились оформлять переворот, роспуск президиума ЦК, в котором остались одни заговорщики, при которых Сталин умер. Светлана плакала у покинутого трупа, а когда его унесли для вскрытия, осталась на кухне с утешавшей ее прислужкой, которая ее уговорила поесть, чтоб собрать силы для дальнейших церемоний.

Вспомним, что Светлана в те часы оплакивала отца, от которого была в последние годы очень далека. Это не историк, не политик, а потому она не пишет об исчезновении Поскребышева и Косынкина, неразлучных с отцом и о том, как, пролив крокодильевы слезы, быстро разошлись заговорщики, убедившись в смерти своей жертвы. О врачах пишет, что они ей были незнакомы, но любимый врач отца Виноградов сидел в тюрьме по делу врачей, там он и погуб, о чем вспоминает в "письме Пастернаку". Не плакал лишь "дегенерат" Берия, видимо, обрадованный тем, что сменил отца.

Она констатирует, что отца любила лишь прислуга, ценившая его неприхотливость и простоту в обращении, но не только все "политики", но и она сама невольно с момента его смерти почувствовала, несмотря на горе, какое-то странное чувство облегчения. Ушел человек, давивший и заставлявший тре-

Настоятель и Церковно-Приходский Совет Храма Св. Преп. Сергия Радонежского в Вижа Бажестер, ул. Фалучо 854, приглашает всех на

ПРЕСТОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК

во воскресенье, 8-го октября с. года. 7-го окт. начало Всенощной в 18.30. 8-го окт. начало Литургии в 10 час. После Литургии состоится трапеза и розыгрыш лотереи в пользу будущей церковно-приходской школы.

утро нашли ее мертвой: умерла от ужаса!

Вполне понятно, что Светлана ненавидела Берию и старается хоть частично свалить на него вину за истребление отцом ближайших родных. Ежовщину своего детства она не помнит. Ее в 11 лет не интересовала гибель большинства наркомов и трех маршалов: Тухачевского, Блюхера и Егорова. Понятно, что ей ближе трагедия любимой тети Ани или жены Молотова, всегда вспоминавшей о дружбе с ее матерью.

Мое общее заключение об этом первом "письме другу": Светлана очень искренне излагает свои переживания и обнаружилась в их изложении неожиданный литературный талант. Это не политический памфлет и нельзя требовать от нее точных дат при описании событий ее детских лет. Но именно эта искренность в описании этих событий ярче всякой политической статьи рисует ужасы режима и преступления отца, которые не смягчаются соучастием в них Берии, что она сама признает. Господь действительно по ее вере (смешно требовать от нее точных познаний в катехизисе, в отсутствие которых ее упрекал советский митрополит Пимен) дал ей слова, которых раньше на Родине не произносили и которые быют по коммунистическому безбожью лучше всякого ученого антимарксистского трактата или антисоветской листовки.

Насколько боится Светлана в Москве и стремится ее скомпрометировать в глазах свободного мира и нашей антикоммунистической эмиграции показывает бесстыдное выступление 65-летнего бывшего кинорежиссера и московского сердееда Алексея Яковлевича Каплера, которого пропагандный отдел Секретариата ЦК выпускает вслед за митрополитом Пименом с грязными обвинениями Светлана в иностранной печати.

Развязный старик пригласил к себе иностранных журналистов в Москве и поведал им "то, что Светлана на Западе им не расскажет". Он с ней познакомился в Москве осенью 1942 г., когда ей было 16 лет, а ему — 40 лет и сразу установил, что она очень одинока на своем коммунистическом "Олимпе", являясь в Царской ложе Большого театра в сопровождении английской гувернантки и начальника охраны ген.-майора гос. безопасности Власика. Они встретились в доме ее беспечного брата Василия, занимавшего командный пост в заградительной авиации столицы и собиравшего у себя артистический мир, в котором сам среди артистов одерживал легкие победы. Каплер, как опытный дон-Жуан, привлек ее внимание рассказами, как ставил фильмы "Ленин в Октябре" и "Ленин в 1918 г.", как ездил за границу. Она ему говорила о своем детстве в Зубалове, показывая блестящую брошь — память о матери и рассказывала о своих учебных занятиях. Они стали встречаться и девушка влюбилась, чему покровительствовал Василий. Но за ней неотступно следовал охранник Михаил Никифорович. Она говорила о том, как мать в юности влюбилась 16-ти лет в 38-летнего ее отца и сравнивала себя с нею. Роман носил идиллический характер, благодаря присутствию молчаливого охранника. Встречи учащались и 28-го февраля 1943 года в день ее 17-летия они встретились у Василия утром. Он сказал, что едет снимать фильм в Ташкент. Тут впервые они страстно поцеловались, ибо Мих. Ник. скромно ушел в соседнюю комнату. Но 2 марта, когда он оформил командировку в Кинокомитете, его при выходе встретил офицер гос. безопасности и... отъез на Лубянку, где после краткого заключения дали 5 лет концлагеря по ст. 58, п. 10 за "атисоветскую пропаганду", ни разу не упомянув Светлану. В тот же день Сталин вызвал дочь к себе и сказал: "когда тысячи наших героев гибнут на войне, когда я все время занят обороной родины и мне некогда следить за тобой, ты путаешь-

ся с равратным женатым негодяем" — "Я его люблю!" — "Ты..." — прозвучал нецензурный эпитет и две звонкие пощечины. Каплер на Колыме стал режиссером театра заключенных (как при мне на Беломорканале — опереточный премьер Ксендзовский) и зажил припеваючи. К нему ездил на свидание верная жена, а в лагере он сошелся с заключенной артисткой Верой Георгиевной Токарской. Там он узнал, что Светлана вышла замуж за некоего Морозова и стал думать о ней, как о поэтической странице его полной романов жизни. В 1948 году он вышел на свободу с запретом приезжать в Москву и стал с Токарской, не оформив еще развода с первой женой, работать в Киеве. Но решил съездить в Москву. Его там сразу арестовали и снова отправили в концлагерь на 5 лет; он работал в шахтах Воркутинских лагерей. Его освободили через три месяца после смерти Сталина за отбытием в 1953 г. пятилетнего срока. Вернувшись в Москву он женился на Токарской, но, встретив в клубе Светлану, узнал, что ее оба брака с Морозовым и Ждановым были неудачны, но теперь она свободна и полна сочувствия к человеку, претерпевшему за чувство к ней 10 лет заключения. Он предложил ей с маленьким сыном летом 1954 г. съездить на черноморское побережье: едут втроем: "Там она стала моей любовницей, — горделиво хвастает журналистам Каплер. — Вот поместите ее снимки в купальных костюмах, снятые мной!" Светлана предлагает ему брак, но он отвечает, что благодарен Токарской, с которой связан годами любви в заключении и предлагает Светлане удовольствоваться ролью любовницы. Гордая Светлана тогда отправляется к Токарской, которая говорит, что она позволяет мужу легкие авантюры, зная, что он к ней привязан, а на Светлану смотрит, как на одну из многих любовниц. Светлана порывает отношения с ним. Но вскоре он расстался с Токарской и теперь представляет журналистам третью законную жену писательницу Юлию Друнину (ее произведение я читал в органе Комсомола "Юность"), которая сама говорит, что ей 40 лет. Затем Каплер говорит, что в период гонений на Светлану после 20-го съезда партии и травли против нее он с женой решили ее пригласить и утешить. Она, всеми покинутая, стала к ним приходить и подружилась с Друниной, но затем из-за сплетен Светлана в 1962 году написала супругам бранное письмо, на которое Каплер ответил разрывом. Единственным о Светлане воспоминанием является подаренное ею супругам плетеное кресло, которое журналисты поторопились заснять. На прощание Каплер сказал, что сурово осуждает ее поступок, ибо презирает всякую эмиграцию. Вот у Ахматовой расстреляли мужа и держали долго в заключении единственного сына, но она не бежала из России. Каплер скрыл, что она не могла физически этого сделать, но провела всю осаду в Ленинграде, дожидаясь его падения, которое освободило бы ее, как многих знаменитых людей в разных городах России и на пригородных дачах: вспомним хотя бы Печковского и Блюменталь-Тамарина и десятки два артистов и профессоров, покинувших Пятигорск с германскими войсками. Для еврея Каплера эта возможность отпадала, но сколько среди нас ученых из Киева, Харькова, Ростова, Новочеркасска, Пятигорска, Пушкина и Смоленска и других городов, которых я лично встречал на свободном Западе. "Эуропа" напечатало беседу с Каплером и снимки Светланы.

31-го августа умер после продолжительной болезни писатель Илья Ефимович Эренбург, одна из самых отталкивающих фигур советской общественности. Он формально не входил в партию, но оказал ей больше услуг, чем большинство партийцев. Поэтому о его смерти в виде исключения сообщили ЦК партии, Президиум Верховного Совета, которого был депутатом, и совет министров СССР. Однако некролог, появившийся лишь 3-го сентября, подписали Союз писателей СССР, Сов. Комитет защиты мира, президиум Союза сов. обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Союз писателей РСФСР и правление Моск. писательской организации. Некролог весьма туманен и неточен, но могу его дополнить. Родившись 27-го января 1891 г. в Москве, исключен из шестого класса гимназии за связь с большевистской подпольной

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ПРОТОПРЕСВИТЕР ГРАББЕ

Нам пишут из Нью Йорка: Заведующий внешними сношениями Архидиоцезиса Русской Зарубежной Церкви протопресвитер Г. Граббе вылетел из Нью Йорка в Европу, в трехнедельную служебную командировку.

МОСКОВСКИЙ ЭКЗАРХАТ

Нам пишут из Нью Йорка: "Новое Русское Слово" сообщает, что преемником отозванного в Москву экзарха московск. патриархии в Америке, митрополита Иоанна (Вендланда) будет либо проживающий в восточном Берлине архиепископ тегельский Ионафан, либо бывший ректор одесской духовной семинарии, архиеп. виденский Антоний.

С. М. ТОЛСТОЙ

Нам пишут из Нью Йорка: Газета "Россия" отозвалась на известие о поездке председателя парижского комитета по изданию "Золотой книги русской эмиграции", д-ра С. М. Толстого, статьей, в которой напомнила, что в апреле с. г. он побывал в Нью Йорке и участвовал в созданном Толстовским Фондом заседании русских общественных деятелей, образовавших инициативную группу по изданию сборника: "Русская эмиграция и ее вклад в мировую культуру".

Говоря о поездке С. М. Толстого в СССР, газета написала: "Он приехал туда как турист, как французский гражданин, как врач, но и как внук Л. Н. Толстого, собирающийся провести несколько дней в Ясной Поляне. Мы не обратили бы внимания наших читателей на эту поездку, будь д-р С. М. Толстой одним из тех многочисленных русских эмигрантов, которые, став иностранными гражданами, считают возможным ездить в Советский Союз. Он, однако, не только французский турист русского происхождения, но и председатель того комитета, который должен рассказать русскому народу о русской мысли

организацией, был арестован, скоро выпущен и, принадлежа к богатой купеческой семье, эмигрировал в 1909 году в Париж, откуда писал корреспонденции в "буржуазные" "Биржевые Ведомости", как Троцкий в "Киевскую Мысль". После революции вернулся в Россию, но с возобновлением сношений с Западом опять поехал, на этот раз, в Берлин, где напечатал повесть "Хулио Хуренито" (1921). Затем напечатал "Трест Д. Е.", "Любовь Жанны Ней", "Гибель Николая Курбова", "Весна 1925 года" — типичные бульварные романы эпохи, изъятые потом в 30-х годах из библиотек. Вернувшись в Россию, посетил осенью 1932 г. строительство Сталинского Комбината, где я впервые увидел его в заводеуправлении, но, будучи ссыльным, не смог пойти на его доклад в клуб инженерно-технических работников, ибо не имел профбилета. Впечатления от стройки изложены в его романе "День второй", который подверг критике за описание тяжелых условий жизни рабочих при воспеивании их "трудового энтузиазма". С приходом к власти Гитлера он из Парижа шлет антигерманские корреспонденции, затем письма с театра гражданской войны в Испании. В 1941 г. появилось его "Падение Парижа", за которое год спустя получил Сталинскую премию. Вернувшись после высылки Петеном из Франции на родину, в годы войны писал корреспонденции с фронта, сидя в штабах и тылах, под кровавадным дождем "Убей немца". В ответ на антисемитизм гитлеровцев он проповедывал столь же расистский антигерманизм, призывая к истреблению всего германского народа по тому же расовому признаку. В 1947 году напечатал роман "Буря", рисующий СССР и Францию в годы войны, за который получил через год вторую "сталинскую премию", в 1951 г. — "Девятый вал", посвященный коммунистической "борьбе за мир", за который получил "Международную сталинскую премию за укрепление дружбы между народами". После смерти Сталина прогрессивная его повесть "Оттепель". Из последних произведений наиболее известные его "циничные мемуары", напечатанные в "Новом Мире", которые

и талантах в эмиграции. Поездка С. М. Толстого в Москву вызывает понятное недоверие к объективности этого рассказа. Она дополняет впечатление, созданное составом парижского комитета. Один из его членов, Ю. П. Анненков, допустил опубликование своих воспоминаний о Ленине советской газетой. Другой, С. М. Лифарь, еще до С. М. Толстого съездил в СССР.

"Русская эмиграция, — написала затем "Россия", — прежде всего эмиграция политическая и антикоммунистическая. Как бы ни было велико ее значение в русской культуре, в русском искусстве, в русской литературе и даже в мировой науке, невозможно дать беспристрастную и правдивую картину жизни эмиграции, умолчав об ее политическом облике и об ее борьбе с работниками нашей родины. Люди, совершающие туристические поездки в Москву, явно не способны это сделать. Нам очень неприятно, что приходится это сказать о племяннике А. Л. Толстой, сохраняющей непоколебимую непримиримость к коммунистическим узурпаторам власти в России, но мы не сомневаемся в том, что она глубоко огорчена путешествием своего родственника в СССР и осуждает это путешествие. Мы не сказали бы об этой поездке ни слова, не будь д-р С. М. Толстой председателем комитета по изданию "Золотой книги русской эмиграции".

В заключение газета выразила надежду, что Толстовский Фонд и созданная по его почину инициативная группа по изданию книги отзовутся на поездку д-ра С. М. Толстого в Москву.

АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Нам пишут из Нью Йорка: Антикommунистический Интернационал, председателем которого состоит лидер сепаратистов-казачков В. Глазков, называющий себя в Америке генералом Вильямом Глазковым, разослал сообщения, к которому приложил 12 фотостатиев статей об этой организации, появившихся в советской и в русской зарубежной — как советфильской, так и антикоммунистической печати. "Красная Москва, — сказано в этом сообщении, — снова начала кампанию своих гнусных нападок на антикомму-

он не успел закончить. Читатели помнят данный мной их разбор.

Похороны Эренбурга прошли не столь торжественно, как можно было ожидать. Не было никого из членов, кандидатов или секретарей ЦК. Наиболее видной фигурой была министр культуры СССР Ек. Ал. Фурцева. Речи на траурном митинге произносили писатели: отвратительный Борис Полевой, "либеральные" Каверин и Паустовский.

В заключение поведаю курьезный эпизод, случившийся при одном из его посещений Рима. В гостиницу "Универзо", где он остановился совместно с украинским писателем и членом ЦК КПСС Александром Евдокимовичем Корнейчуком явился с нашей литературой в закрытых больших конвертах народный монархист, спросивший портье: дома ли советские писатели. Тот указал на находившуюся за стеклянными дверями столовую, в которой оба писателя обедали, и предложил к ним обратиться. Гость сказал, что не хочет их беспокоить и просил передать Корнейчуку пакет с нашей литературой. Он не успел вынуть из портфеля второй пакет, как к портье подошел Эренбург и спросил по-французски: есть ли почта для него, приняв гостя за принесшего ему посылку, служащего какого-нибудь издательства. Получив ответ, что есть посылка для его товарища, взял пакет и пошел его передать сидевшему за обеденным столом украинцу.

Наблюдавший за Эренбургом гость сказал портье, что у него есть другой пакет, который надо передать Эренбургу. "Что ж Вы не дали? Ведь это он к нам подходил", заметил портье и пошел в столовую передать Эренбургу второй адресованный ему пакет. Так оба писателя познакомились с брошюрой пок. Бразоля "Царствование Императора Николая II" и "Народной Монархией" Солоневича, "Историей КПСС" и несколькими Обращениями Е. И. В. Великого Кн. Владимира Кирилловича. Наблюдавший за ними гость удалился, когда издали увидел, что оба писателя уже вскрыли пакеты и рассматривают полученные от Росс. Народно-Мон. Движения подарки.

Алексей Ростов.

стические организации в Соединенных Штатах и в особенности на ненавистный ей Антикоммунистический Интернационал и на проводимую им борьбу против московско-большевистской агрессии, против коммунистического порабощения и угнетения. Знаменательно, что в эту кампанию включился и орган злых русских черносотенцев в Нью-Йорке, газета "Россия". Как видно, не только крайности сходятся, но красные московские тираны и их собратья, черносотенцы-монархисты, не только одним миром мазаны, но и пропитаны одним и тем же империалистическим духом и являются такими же зоологическими шовинистами. Одни имеют красную окраску, другие черную или загрязненную белую. Естественно, что, если Антикоммунистический Интернационал не в силах привлечь к ответственности московскую "Правду", то он примет все меры судебного и иного порядка, чтобы заставить признать всякого рода московских попутчиков их ложь по адресу Антикоммунистического Интернационала и его руководящих работников и понести надлежащее наказание".

Редакция "России" ответила на это сообщение Глазкова статьей, в которой перечислила "порабощенные нации", упомянутые в резолюции Антикоммунистического Интернационала в июле с. г. Из этого перечисления газета сделала вывод, что организация В. Глазкова "проявила себя сторонницей расчленения не только любой России, но и двух славянских государств, порабощенных коммунистами — Чехословакии и Югославии".

"Это одно, — написала "Россия", — роднит программу В. Глазкова с программой Розенберга, который, как известно, тоже был сторонником расчленения России".

Редакция "России" указала затем на объективность опубликованных ею трех статей об Антикоммунистическом Интернационале и на то, что вся включенная в эти статьи информация была почерпнута из собственных изданий Глазкова и его единомышленников.

"Напомним В. Глазкову, — написала газета в заключение, — что меры не только судебного, но и иного порядка предпринимались до него по отношению к свободной прессе др. кандидатами в вожди человечества и неизменно приводили к победе свободного слова над зарвавшимися держимордами. Мы, слава Богу, живем в правовом государстве, где печати принадлежит право объективной информации и свободного мнения даже в тех случаях, когда эта информация и мнение не нравятся тем, к кому относятся. Никто не может лишить нас права указывать на то, что провозглашаемая Антикоммунистическим Интернационалом программа расчленения России и других славянских государств повторяет программу Розенберга и не может принести свободному миру ничего, кроме вреда и разочарования".

ЕВРЕИ О КОММУНИЗМЕ

Нам пишут из Нью-Йорка: Тель-Авивский корреспондент "Нового Русского Слова" Ю. С. Марголин, проявивший крайнюю степень эмоциональности в своих статьях, освещающих конфликт Израиля с арабами, и придав-

ший этому конфликту характер борьбы не только между израильским государством и арабскими странами, но и борьбы между мировым еврейством, с одной стороны, и мировым антисемитизмом, с другой, написал в очередной корреспонденции, что "местный конфликт превратился в мировой".

"Израиль — по мнению Ю. С. Марголина — против ожиданий и вопреки собственной воле стал узловым пунктом мировой политики. Он по праву может гордиться тем, что на нем оборвалось наступление мирового коммунизма. На этом одном еврейском пункте коммунизм срезался в мировом масштабе и дал трещину, которая может оказаться роковой для его дальнейшего развития".

Не сказав ни слова о том, что эта трещина возникла вследствие значительного участия евреев в интернациональном коммунистическом движении и раздвоения их чувств между коммунизмом и Израилем, Ю. С. Марголин написал:

"Не всем, быть может, ясно, что союз мнимого прогрессивного коммунизма с брутальным и откровенным антисемитизмом есть начало его конца. Выставка 120 грубо-антисемитских книг в Каире рядом с десятками антиизраильских карикатур в советской печати показала бы этот союз графически. Любое движение, забредающее в трясину антисемитизма, само себе наносит смертный приговор. Нет ныне ни одной коммунистической партии в мире, которая бы не потряслась и не была разбита на пункте отношения к Израилю... На Израиле коммунисты сорвутся, как до них сорвался Гитлер и до Гитлера — католическая Испания времен инквизиции. История учит, что не стоит задираться с еврейским народом, не стоит вообще задираться ни с каким народом, но особенно с тем, который простоял три тысячи лет и пережил всех своих уничтожителей".

ЕВРЕИ И СССР

Нам пишут из Нью-Йорка: Совет американских синагог, представляющий все три ветви иудаизма в Соединенных Штатах, сообщил, что он обратился письменно к советскому посольству в Вашингтоне с просьбой разрешить ему послать в СССР иудейских раввинов и еврейских учителей.

Совет сопроводил эту просьбу обещанием, что командированные в Советский Союз раввины и учителя воздержатся от каких-либо действий, несовместимых с советским законодательством и с политикой советского правительства, и ограничатся исключительно совершением богослужений и преподаванием еврейского языка.

Проживающие в СССР евреи названы в письме "вторым, по численности, скоплением евреев в мире". В том же письме есть указание на недавнюю смерть последнего киевского раввина, должность которого осталась незамещенной.

ТИРАЖ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ДОЛЖЕН НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕЙ НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ!

ХРОНИКА

ЦЕНТР РУССКИХ БЕЛЫХ

Из Центра Русских Белых в Аргентине Редакцией "Нашей Страны" получено следующее сообщение:

В пятницу, 8-го сентября с. г., в канцелярии адвоката д-ра Луиса Сомачини была подписана запродажная на покуп-

присутствовали: юридический советник домохозяев д-р Сомачини, юридический советник Центра Русских Белых д-р Повинья, секретарь ЦРБ Борис Николаевич Киртоки и заведующий помещением ЦРБ, почетный член ЦРБ, Дмитрий Александрович Фишкин.

Помещение приобретено за 2.500.000 песо (два миллиона пятьсот тысяч). При подписи запродажной представители ЦРБ вручили г-же Г. А. Манги де Фло-

ку помещения, занимаемого Центром Русских Белых.

Запродажную подписали: уполномоченный со стороны домовладельцев, со-владелица, г-жа Гермения Адина Манги де Флориани и председатель Центра Русских Белых Николай Михайлович Седяревич. При подписании этого акта

риани первый взнос в размере 500.000 песо. Остальные деньги должны быть уплачены при совершении купчей крепости. С момента подписания запродажной Центр Русских Белых стал владельцем занимаемого им второго этажа в доме № 2852, находящемся на улице Карлос Кальво в Буэнос Айресе.

Сообщая об этом, Редакция "Нашей Страны" считает приобретение Центром Русских Белых большим общественным событием, так как собственное помещение позволит ЦРБ развить более широко национально-общественную работу. По этому случаю Редакция "Нашей Страны" поздравляет Правление ЦРБ и полагает, что широкие круги русской колонии Буэнос Айреса и других мест русского рассеяния откликнутся на эту покупку и помогут ЦРБ в окончательной уплате оставшейся суммы за купленное помещение.

"ХОКАРАЛЬ"

Русская гостиница
в Мар дель Плата

Тенистый парк, тишина, уют,
умеренные цены.

Адрес:

HOTEL PARQUE "JOCARAL"
с. Hernandarias 6060, Mar del Plata
Tel.: 2-7435

ДЕНЬ НЕПРИМИМОСТИ

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 5-го НОЯБРЯ 1967 г.

В ЦЕРКОВНОМ ЗАЛЕ НА УЛ. БРАЗИЛЬ 315

Русские национально-общественные организации города Буэнос Айрес: Центр Русских Белых, Союз Русских Белых Военных Инвалидов, Союз Власовцев, Союз б. Императорских Кадет, Казачья Станица им. ген. П. Н. Краснова, Национальная Организация Русских Скаутов-Разведчиков, Редакция газеты "Русская Газета" и Редакция газеты "Наша страна" совместно с дружественными аргентинскими антикоммунистическими организациями,

у с т р а и в а ю т

БОЛЬШОЕ СОБРАНИЕ

посвященное 50-летию захвата власти в России преступной коммунистической партией и 50-летию начала Белой Борьбы против интернациональных захватчиков нашего Отечества.

После доклада состоится патриотический концерт.

Начало в 17 час.

Вход свободный

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

П. СОКОЛОВ

ГРАНИЦА

Уже падая под его напором, он думал только о том, чтоб не выскользнула она как-нибудь обратно. В невероятном напряжении борясь за свою жнизь, он чувствовал, как когти рвут его одежду вместе с кожей, а сам, сцепившись левой рукой в шерсть зверя, засовывая свой правый кулак все глубже и глубже, стараясь перенять ему дыхание. И вдруг почувствовал, как зверь обмяк. Не вынимая руки, Роман присмотрелся. Потом быстро вскочил, схватил ружье и выстрелил в ухо тигру заряд дробы. Зверь дернулся; предосторожность была не лишней.

Роман чувствовал, как по левому боку лилась кровь; и плечо и нога его были изодраны. Он достал из сумки тряпку, которую всегда носил с собой, и стал перевязывать раны. Ногу он забинтовал быстро, а с плечом справиться не мог. Закинув ружье за спину и прижав кое-как на плече тряпку, он направился домой. Когда под вечер осунувшийся и окровавленный, он вошел в избу, Аннушка вся побелела:

— Роман, что с тобой? — и бросилась навстречу.

— Ничего, Аня! Тигр поцарапал. Помоги раздеться.

Трясущими руками она снимала с него аммуницию.

— Дай ханы, Аня. Да вон там на полке медвежий жир в банке; давай его сюда. Да тряпок побольше.

Аню всю трясло. Она рвала тряпки и следила, как Роман, отпив ханы из бутылки, стал промывать ею лохмотья своей кожи. Потом принялась за перевязку.

— А доктора здесь нельзя достать? — спросила Аня и сама смутилась.

— Что ты, какой тут доктор! Мажь больше сала.

Пришел Ян, и Роман отдал ему какое-то распоряжение.

— Ты чего?

— Коня велел запрячь, за тигром поедем.

— Роман, да ты с ума сошел! Куда ты сейчас можешь?

— Нельзя, Аня, не могу же я его бросить. Да и как бросишь такого?

Аня заплакала.

Роман забрал Яна, позвал Жучку и уехал за тигром. Вернулись они только в полночь. Втроем

утащили тушу в сарай, и Роман свалился в постель. Тело его все ломило.

Ночью он стал гореть. Аннушка металась по хате и не знала, что делать. Ей казалось, что он вот-вот умрет, и она останется опять одна, — среди тайги, гор, снега, китайцев и тигров. Она то наклонялась над Романом и слушала его горячее дыхание, то бежала через хату с кружкой воды, то становилась на колени и с тоской смотрела на икону. Потом начинала часто креститься. Ее беспомощное, молодое сердце было не готово к таким испытаниям.

На рассвете Роман попросил ее позвать Яна, и они долго о чем-то разговаривали. Потом Ян ушел.

— Продавать, Аня, надо тигра, опять тепло стало. Ни за что бы этого не продал, да видишь...

После обеда Ян привез из поселка двух китайцев, молодого и старого. Старик был знахарь; молодой — покупатель. Знахарь осмотрел Романа и покачал головой; потом достал из сумки три свертка корешков и разных пилюль да красную жидкость для примочек. Покупатель стал торговаться.

Тигра выгоднее было бы продать по частям, так как почти каждая часть его имела у китайцев какое-то значение и ценилась. Сердце, например, давало человеку храбрость. Но Роману было не до этого; немного поторговавшись, он продал добычу оптом. Деньги он должен был получить после, — покупатель везти их с собой опасался.

Советский быт

Об автобиографическом очерке Б. Пастернака "Люди и положения". (КРС) 27 января 1967 года "Правда" раскритиковала журнал "Новый мир" за систематическую публикацию произведений, в которых советская действительность изображается непривлекательно.

"Новый мир" № 1 за 1967 год, материалы которого были подписаны к печати 9 февраля 1967 года, то есть через 13 дней после погромной статьи в "Правде", продолжает печатать произведения, в которых советская действительность отображена правдиво. Именно в январском номере "Нового мира" был опубликован автобиографический очерк Бориса Пастернака "Люди и положения". Очерк этот был написан в 1956 году, непосредственно после романа "Доктор Живаго", и предназначался в виде предисловия к сборнику стихов, готовившемуся к выпуску Гослитиздатом. Однако, он не был опубликован в то время. В 1957 году Б. Пастернак переработал очерк. Выхода в свет очерк дождался только сейчас.

Б. Пастернак пишет, что прежнюю свою автобиографию "Охранная грамота" он считает манерной. Вообще всё, что им было написано до 1940 года, ему не нравится. После 1940 года Б. Пастернак переводил произведения иностранных поэтов. В начале 50-х годов он писал роман "Доктор Живаго".

В автобиографическом очерке "Люди и положения" Б. Пастернак переоценивает свое отношение к многим явлениям советской действительности. Прежде всего он говорит о том, что вокруг его имени и имени В. Маяковского было создано много неверных представлений. Критика утверждала, что он дружил с В. Маяковским. В действительности ничего такого не было. Он всегда критически относился к эстрадности Вл. Маяковского, любил только его ранние стихи. Все то, что было написано В. Маяковским после "Мистерии — буфф" (за

исключением предсмертного "Во весь голос"), он ни во что не ставил.

Б. Пастернак по этому поводу пишет: "До меня не доходят эти неуклюжие зарифмованные прописи, эта изощренная бессодержательность, эти общие места и избитые истины, изложенные так искусственно, запутанно и неостроумно. Это, на мой взгляд, Маяковский никакой, несуществующий. И удивительно, что никакой Маяковский стал считаться революционным".

Далее Б. Пастернак выносит убийственный приговор всей советской поэзии. Он пишет:

"В последние годы жизни Маяковского, когда не стало поэзии ничьей, ни его собственной, ни кого бы то ни было другого... в эти годы Асеев... был ему близким по направлению другом и главной опорой".

Весьма знаменательно отношение Б. Пастернака к самоубийству В. Маяковского. Б. Пастернак по этому поводу рассуждает:

"Приходя к мысли о самоубийстве, ставят крест на себе, отворачиваются от прошлого, объявляют себя банкротами, а свои воспоминания недействительными... Мне кажется, Маяковский застрелился из гордости, оттого, что он осудил что-то в себе или около себя, с чем не могло мириться его самолюбие".

Б. Пастернак критически относится и к "канонизации" В. Маяковского. Он пишет:

"Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине. Это было его второй смертью. В ней он не повинен".

"Канонизацию" В. Маяковского Б. Пастернак ставит в один ряд с такими явлениями 30-х годов, как "жить стало лучше, жить стало веселее". Так, по

ОТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ

На объединенном собрании Правлений и Советов Директоров Представительства Российских Эмигрантов в Америке, Российского Зарубежного Представительства и Американско-Русского Союза Помощи, состоявшемся 12-го сентября с. г. в Нью Йорке, в Доме Свободной России, были вынесены следующие постановления:

1. Учредить при Представительстве Российских Эмигрантов в Америке Комитет по защите религии от гонений в странах, поработанных коммунистами.

2. Содействовать успеху предстоящего 12-го ноября с. г. годового Съезда Представительства Российских Эмигрантов в Америке.

Князь С. С. Белосельский
Председатель
А. В. Руммель
Генеральный Секретарь

мнению Б. Пастернака, звучит и утверждение, что В. Маяковский является лучшим поэтом революции.

Особого внимания в автобиографическом очерке Б. Пастернака заслуживают страницы, посвященные грузинским поэтам.

В начале 30-х годов Б. Пастернак жил некоторое время у своих друзей — грузинских поэтов. Это время он не может забыть. Прежде всего его удивило то, что в Грузии тогда еще сохранилось культурное общество и умственная жизнь, "в такой степени в те годы уже редкая".

В автобиографическом очерке имеется очень короткая глава, озаглавленная "Заключение". Б. Пастернак, фактиче-

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА

В "Фонд Издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича" поступили следующие суммы:

от Е. Ефременко — 10 дол., от А. Денисова — 10 дол., от О. Скаредова — 10 дол., от М. и Г. Кингстон — 10 дол., от Э. Геацинтова — 10 дол., от М. Легенсович — 2 дол., от Магазины "РУСЬ" в Сан Франциско — 50 дол., от князя С. С. Белосельского-Белозерского (сентябрь) — 25 дол., от З. А. П. — 6333 песо, от Н. Митаки — 570 песо.

Требуется мужчина или женщина, обязательно jubilado, смотреть за домом и садом в La Bolsa (Prov. Córdoba).

Предоставляется бесплатно комната с ванной. Оплата по соглашению. Интересующиеся могут узнать подробности в Burzaco, 9 de Julio y Mitre (tienda) — два картала от станции Burzaco.

ски, рассказывал в очерке о своей жизни и оценивал явления советской действительности только до начала 30-х годов. Все, что происходило после начала 30-х годов, он отказывался описывать. Наступило время "новой строгости и новых испытаний", которые предстояло вынести человеческой личности, ее чести и гордости. Об этом надо писать так, чтобы замирало сердце и дыбом поднимались волосы. Об этом нельзя писать "затверженно и привычно". Это могут изобразить только такие художники, как Достоевский и Гоголь. Писать бледнее об этом — низко и бесцветно. "Мы далеки от этого идеала".

Комментарий: В автобиографическом очерке Б. Пастернака содержится осуждение многих явлений советской действительности (в начале 30-х годов не стало поэзии, не стало культурного общества, умственной жизни). 30-е годы и последующее время Б. Пастернак отказывается описывать. Правдиво об этом времени могут написать только такие писатели, как Достоевский и Гоголь. Но такой идеал еще далек. Б. Пастернак написал эти слова в ноябре 1957 года, почти десять лет тому назад. Он сожалел, и сейчас его слова остаются в силе. Еще не появился современный Достоевский, еще не наступило время для его появления. Поэтому сталинщина остается в литературе нераскрытой в полной мере.

А Н О Н С !

19-го ноября с. г. в 16.30 час. в театре
SALON CONSEJO DE MUJERES (CHARCAS 1155)
будут поставлены отрывки из опер
"ЦАРСКАЯ НЕВЕСТА", "РИГОЛЕТТО" и "ДЕМОН"
под руководством Ю. К. Андропова.

А Н О Н С !

ДОКТОР
Кира Николаевна
КОЛДОМАСОВА-БАУМГАРТЕН
принимает
по пятницам от 18 до 20 час.
по субботам от 16 до 18 час.
AMENABAR 4156 CAPITAL
Новый телефон 701-8413

АНОНС!

БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТ АНОНС!
РОВС-а — КАЮТ-КОМПАНИИ — О-ВА ГАЛЛИПОЛИЙЦЕВ
Пятница 12-ХИ Начало в 20 час. Кочабамба 223.
Просьба: не устраивать 12-ХИ и 1-ХИ собраний и увеселений.

ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

РОССИЙСКАЯ КОЛОНИЯ В АРГЕНТИНЕ
по примеру прошлых лет, приглашает пожаловать на
ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

В воскресенье, 15-го октября 1967 г. в 16.30 час., в зале "Каталунья"
(Чакабуко 863, Буэнос Айрес) состоится представление пьесы

ДЫМ

по роману И. С. ТУРГЕНЕВА, в инсценировке Е. ГАЧИНСКОЙ,
в постановке И. ЛАНСКОЙ.

В спектакле участвуют: г-жи ВАСИЛЕВСКАЯ Е., ГЕСС Т., ГАЧИНСКАЯ Е.,
КАЛИНЬЯК-БОЧАРОВА (пение), ЛАНСКАЯ И., ПЛИЩЕНКО Т., ШВЕДОВА С.
(пение) и г-да КОНОВНИЦЫН А., ЛЫГИН А., ПЛИЩЕНКО А.,
ЧУРИЛОВ М.

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontologia
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ

(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов.
Бор-машина Ultrasonic.
Искусственные зубы.

Рентгеновские снимки.
Прием ежедневно от 15 до 20 час.
Boulogne Sur Mer 541, p. 2, dpto. H
Capital T. E. 88-3605

(Один квартал от станции субтеранео "Пуэйредон" по линии Федерико Лакросе).

Потянулись томительные дни. Аннушка целыми ночами напролет просиживала над Романом, глядя с тоской на его осунувшееся лицо. Однажды, проснувшись, он потянул ее рукой к себе. Она припала к его груди, радостная и беспомощная, словно вошла в крепость; да так и заснула там вскоре счастливым и крепким сном. На рассвете она увидела себя маленькой. Она хочет заплести свою косу, а мыши бегают и бегают по голове и путают волосы. — "Да уходите вы!" — рассердившись махнула она рукой и... проснулась. Роман смотрел ей в глаза и потихоньку гладил голову.

Немного погодя Аннушка спросила Романа: — Роман, ты из железа что ли? Ты никогда не жалуешься.

Роман смотрел на нее сначала молча. Потом ответил:

— Знаешь, Аня: мне старшие говорили, что, когда я был маленьким, я никогда не плакал, ни разу. Такой уж должно быть уродился.

То ли китайские корешки да медвежье сало помогли, то ли могучая натура Романа брала верх, но он быстро стал поправляться.

8.

Погода совсем расквасилась. Уже второй день льет дождь пополам со снегом; гор почти не видно. Роман сидел за столом и тоскливо смотрел через окно на серую завесу, — его тяготила бездельность. Аннушка хлопотала у печки. Вдруг дверь

открылась, и в избу вошел молодой, высокий, вооруженный оборванец. Не сбрасывая ружья с плеча, он уверенно пересек комнату и протянул руку Роману:

— Блодыря!

Глаза его весело и живо блеснули. Вероятно, это было единственное, известное ему русское слово. Роман усмехнулся и пожал протянутую ему руку:

— Садись. Выхок?

— Совсем мокрый! В такое время надо сидеть в фанзе. Мне надо обсушиться.

— Разденься. Аннушка, дай ему горячего чаю да ханы, согреться.

Китаец стал раздеваться.

— Ян дома?

— Дома. Ты его знаешь?

— Я знал его, когда был еще мальчишкой. Мне надо с ним поговорить.

Роман вышел в сени и крикнул Яна. Вскоре за столом завязалась оживленная беседа. Гость напился, наелся и потом отправился в пристройку к Яну.

— Роман, кто это? — спросила наконец Аннушка.

— А я почем знаю! Ты слышала, — бродяга. Ян говорит, что это — сын его друга. Вечером еще двое придут.

— Друга? — удивилась Аннушка: — А зачем же он стал бродягой?

— А Ян-то кто? Такой же был, десять лет в хунхузах ходил.

— Ян?! — воскликнула ошарашенная Аннушка.

— Да ты что удивляешься? Здесь нет границы между хунхузом и обыкновенным человеком. Сун-лун был начальником гарнизона, а теперь он — главарь шайки; Хо-дзи-мин был хунхузом, теперь он — начальник гарнизона. С Яном хорошо, он всех в лесу знает. Только ты не смущайся; он мужик честный. Где их тут всех разберешь: сейчас он на поле мотыгой машет, а завтра взял ружье — и в лес. Я говорил тебе: здесь все просто, вольные люди.

— Да как же он в поселок-то ездит?

— А почему нельзя? Когда был хунхуз, ему отрубили бы там голову; сейчас он — мой служащий. Начальник-то полиции тоже когда-то в отряде был.

— Роман! — выкрикнула Аннушка.

— Да, да! Только в чем-то проштрафился и ушел в поселок. Вот и выходит, что эти, пожалуй, честнее, чем те. Открыто разбойничают.

У Аннушки в голове все перепуталось: начальник полиции был подлец, это она знала; а разбойник Ян выходил честный человек, и ему она могла довериться. Такое понятие было трудно.

(Продолжение следует)

П. СОКОЛОВ

По следам газетных строк

Если поверхностно просматривать линии международной политики и если не пытаться проследить некую единую целеустремленность в общем хоре стремления к миру и прогрессу, то можно даже поверить в то, что мир и прогресс действительно являются единой общей целью всех держав, представляющих на великом собрании Организации Объединенных Наций. Однако, во всей стройной системе и в гармоничном разнообразии звуков нет-нет да проскальзывают факты, обличающие, что за поверхностью того, что отражается в виде серого вещества газетных столбцов, происходит некая сложная скрытая игра. Сейчас в сфере нашего внимания попало газетное сообщение, ярко отражающее именно это обстоятельство. Нечто таинственное, неизвестное и непонятное чувствуется за всеми событиями мировой политики, и начинаешь ощущать, что целью мировой политики являются не мир и не прогресс. Что же?

Мы призваны наблюдать, а не излагать философские взгляды и предлагать свое мнение. И хотя наш кругозор ограничен, как было сказано выше, серой массой газетных столбцов, и хотя заметка этого рода мелькнула лишь однажды, как бы между строк, впечатление она оставила незабываемое, людям же, которые располагают временем и возможностями, чтобы делать свои выводы и заключения, она дает обильную пищу.

Египет и большевики. С большевиками дружбу водить опасно. Ведь их цель ясно провозглашена и состоит эта цель в осуществлении всемирной пролетарской революции. Многих удивляло необыкновенно теплое отношение большевиков к Египту. Объясняется оно, правда, могло тем, что Нассер и Ко. в своей натуре тоже имели немало революционного и большевистского. Удивление особенно стало нарастать, когда московские большевики отвернулись от своих давних друзей, евреев, и даже как бы стали против них в военном союзе. Сейчас начинает проглядывать свет.

На прошлой неделе наша записка отмечала случай самоубийства египетского фельдмаршала Абдель Хакима Амера. На днях лондонские газеты "Дейли экспресс" и "Дейли телеграф" посвятили этому самоубийству много внимания, сквозь призму которого оказывается, что Амер был принужден принять яд по настоянию офицеров генерального штаба. Корреспонденту "Дейли экспресса", побывавшему в Каире, удалось составить себе такое мнение, что Нассер хотел выйти оправданным по поводу июньского поражения, превратив Амера в козла отпущения и предав его суду. Амер же говорил, что попади он на суд, он объявил бы истинную причину поражения арабской армии, а состояла она в том, что под давлением советских консультантов ему не дали провести его военный план нанесения первого удара.

Мрачная вещь эта современная политика, неправда ли...

Генассоон. Представители СССР, США, ОАР, ОК (Объединенное Королевство, то есть бывшая Англия) и еще много

разных республик снова собрались в Нью Йорке на очередную сессию главного органа международной политической власти. У-Тхант, в качестве генсека ООН предложил свой отчет "О состоянии мира". Текст отчета был роздан собравшимся за несколько минут до открытия сессии. Невеселый был текст. В нем говорилось о кризисе, постигшем ООН, о "кризисе доверия". У-Тхант обращается ко всем 122-м членам ООН с призывом вновь построить мост взаимного доверия и снова вдохновить организацию духом надежды на то, что она может учредить мир во всем мире. И т. д. и т. п. Одним словом — словесность.

Начали выступать ораторы. Опять же словесность. Гольдберг оказался вынужден оправдываться за Америку в том, что она приступила к постройке оборонной сети антибаллистической защиты. Мы так и не знаем, удалось ли ему доказать, что это не агрессивно, или не удалось, так как английские газеты все равно "покрыли" Америку за то, что она путем постройки этой оборонной сети повышает в мире ажотаж гонки вооружений. (Когда большевики понастроили свои базы межконтинентальной баллистической атаки для удара по всем столицам мира, то английская печать смолчала).

Потом выступил Громыко. Этот господин говорил весьма конкретно. Он объяснил, что главную опасность для дела мира представляет собою американская агрессия во Вьетнаме. Громыко потребовал вывода американских военных частей из Южного Вьетнама. Он заявил, что Израиль должен подчиниться решению ООН и не настаивать на своих завоеваниях. В противном случае, надо к Израилю применить санкции!

Еще говорил Громыко про ограничения пользования атомным оружием и кончил предложением: ввести в состав членов ООН Восточную Германию и считать Пекинское правительство законным представителем Китая в ООН. (А сколько пишут о вражде между Пекином и Москвою!).

Сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций должна продлиться до 19-го декабря. (До Николая дня, то есть).

Ожидается, что там будут говорить и про Кубу, так как Фидель Кастро уже слишком много, как говорится "сала залил за кожу" Венецуэльским и Боливийским политикам. Есть основания полагать, что может быть даже решат применить к нему санкции. Это ужасно! Вы знаете, что бывает, когда международный форум решает, что к той или другой стране надо "применить санкции"? Да решительно ничего это не обозначает. Запишут в протокол, и никому от этого не жарко, ни холодно.

Ящики. Советский пароход "Мичуринск" до сих пор стоит в порту Буэнос Айреса. Капитан его находится под судом в Аргентине. Заседания суда еще не кончились. Корабля давно было дано право отправиться, но большевики решили держать его в Буэнос Айресе и

платить за постой, чем торопиться с выводом судна. Пишем же мы это по поводу того, что точно такой же скандал получился с кубинскими большевиками, которые хотели выгрузить в Америке 15 ящиков под видом дипломатического груза своей миссии на Генассоон-е. Им не позволили. Тогда они обиделись, и на сессию не явились.

Вьетнам. Возникает впечатление, что недоразумение доходит до крайнего тупика. Беспредметность кровопролития начинает раздражать даже и самых неподвижных. Америка уже испытала все средства к тому, чтобы прекратить проникновение красных партизан в Южный Вьетнам. Ожесточенные воздушные бомбардировки военных объектов Северного Вьетнама не прекращаются, но за все время они не изменили положения: они ни на волос не ослабили интенсивности проникновения красных партизан на Юг. Кровопролитие продолжается.

Голоса американского общественного мнения становятся все громче и громче и, к сожалению, звучат все больше и больше в тон с тем, что говорит Громыко. Пора, де, мол, кончать базар и домой ехать! Хотя и слышатся полтора-два здоровых голоса, но их легко и быстро заглушают.

А у Джонсона нет такого аргумента, какой был у Рузвельта, когда речь шла о разгроме Германии. Нацистов бить было можно, а коммунистов — нельзя. Вот это и делает Джонсона беспомощным, а его законную и справедливую позицию защиты свободы во Вьетнаме — беспочвенной. Такова трагедия, происходящая от признания коммунизма законным политическим явлением!

ОАС. Вы думали, что назвав с полдюжины буквенных сочетаний вместо названия стран, мы уже совсем и истощились? Неправда. Нынче буквенные формулы заменили многое. (Вместо души теперь один психоанализ остался). ОАС значит: Организация Американских Стран. Тут тоже бывают и сессии и генеральные ассамблеи и тоже много говорят и даже могут принять решение о применении санкций. Правда, отсюда иногда некоторых приглашают удалиться. Так, отсюда в 1962 году Фиделю Кастро предложили закрыть дверь с другой стороны. Но времена меняются, и сегодня известный нашему читателю Гумфрей предлагает дверь в ОАС держать открытой в надежде, что в течение ближайших десяти лет Куба может вернуться в эту меж-Американскую организацию. Это значит, что об устранении Фиделя у Гумфрея и мысли нет. Санкции применить — да. От власти убраться — ах нет! Это нельзя.

Фидель хороший. Один англичанин-мудрец (ибо он, как известно, изобрел за машиной машину) интервьюировал Фиделя и вынес с Кубы самые радужные впечатления. Об этом он написал в каком-то лондонском журнале. Оказывается Кастро уже думает о такой прогрессивно-передовой мере, как об исключении денег из жизненного обихода. Некий мистер К. С. Кароль сообщает, что по словам Кастро, на Кубе уже теперь бесплатно: образование, здравоохранение,

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso
Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
MONROE 4219, Dep. 10
BUENOS AIRES (30)
T. E. 52-7426

телефоны, водоснабжение и жилище. Квартирная плата будет устранена в ближайшем будущем, а следом бесплатным станет и общественный транспорт. Не жизнь, а малина! Это со слов Кароля. Есть, которые верят, представьте себе... О цене этого безнадёжного блаженства Кароль молчит.

Боливия. Но насаждать большевизм все равно приходится силой. На том же собрании ОАС в Вашингтоне боливийский министр иностранных дел Вальтер Гевара Арсе предъявил документы (фотографии, отобранные паспорта и т. п.), доказывающие факт злонамеренной красной партизанщины в Боливии, и террористической деятельности, руководимой из-за границы Боливии. Министр также считает доказанным, что известный авантюрист Эрнесто Гевара, известный по кличке "Че", действительно находится в Боливии, где руководит красными партизанами. Боливийская армия не дремлет и акция по изживанию деятельности красных авантюристов, мечтателей и преступников, систематически суживается.

Президент США Джонсон, на завтраке с представителями ОАС, высказался в том смысле, что Куба действительно представляет собою гнездо подрывной деятельности в Южной Америке.

Того и гляди решат, что надо применить санкции...

Мнение. Иногда думаешь: почему это Запад так смешно ведет себя по отношению к коммунизму? Иной раз находишь и ответ. Тоже почти что между строк. Дело в том, что этот самый премудрый Запад создал себе о коммунизме презабавные представления, а поразузнать о том, — что он есть на самом деле, по гордости своей, Запад ленится. И вот до сих пор приходится слышать голоса о том, "какое согласие можно найти между коммунизмом, борющимся за экономическую справедливость в мире, и христианством?"

В этом смысле проповедывал на завтраке в одном из высшей степени фешенебельных клубов в Буэнос Айресе знаменитый австралийский методистский пастор Алан Уокер. Уокер высказался в том смысле, что крайний анти-коммунизм не служит прогрессу, так как... ну и так далее. Не слушать же нам мысль, противоречащую здравому смыслу, логике и современной образованности, требующей знания о коммунизме, а не мечтательных представлений о нем. А может быть м-р Алан Уокер всего-навсего второе издание Хьюлетта Джонсона?

Слепой слепого. Западный мир крепко стоит на своем. Он все знает лучше всех! Для того, чтобы все было хорошо, члены Генассоон-а решили, по слову У-Тханта, чтобы четыре главных министра иностранных дел собрались, обсуждали разные вопросы и докладывали У-Тханту. Главные это, разумеется: Союзные Штаты, СССР, ОК и Франция. Так демократы, республиканцы и коммунисты должны будут составить некий организм внутри организма ООН, чтобы тогда все решения были правильными.

Наш исторический опыт и наше политико-философское образование не дают нам возможности видеть ни одного зрячего во всей этой комбинации, о том же, что бывает, когда слепой ведет слепого, прочтите в Евангелии — см. Матф. XV, 14. Эту книгу полезно читать... даже и деятелям мировой политики.

И не верится нам, чтобы под давлением советских консультантов можно было прийти к более дельным решениям чем те, что привели арабов к быстрому и решительному поражению.

А мы все в одной лодке. Что же делать-то?..

Наблюдатель

РУССКИЙ ТЕАТР ДЛЯ ДЕТЕЙ

ставит в воскресенье 29-го октября 1967 г.

(в канун годовщины октябрьской революции)

НАЦИОНАЛЬНО ПАТРИОТИЧЕСКУЮ ПОСТАНОВКУ

ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ

Спектакль состоится в зале театра КАСАЛ ДЭ КАТАЛУНЯ — Чакабуко 863 в городе Буэнос Айресе в 17 часов.

Билеты от 100 - 300 песо (первые 4 ряда партера по 500 песо).
Заказы на билеты принимают:

Г-н В. Г. Петровский по тел.: 797-9097

и Г-н А. В. Баумгартен по тел.: 44-2061 и 44-6353.

Р
Т
Д
Д